

ЮБИЛЯРИЙ

Детские игры

— Марк Анатольевич, в какие игры играл подросток Марк Захаров?

— Во что играли все на Красной Пресне, в то и играл. В детские считалочки с "чур меня", и эти самые "чур меня", как потом оказалось, происходят из древнего пласта нашего языка. Но это я вспоминаю игры раннего детства, предвоенного времени. В войну, между прочим, играли. И такая была радость 22 июня — что наши с фашистами бьются... В этот день мы, естественно, играли в войну. Ведь наше поколение было зомбировано на то, что это самое интересное и самое романтическое дело в жизни.

— И как все мальчишки, наверное, мечтали сбежать на фронт?

— Нет. Еще не в том возрасте был, хотя очень нравились налеты. Очень красиво это, как лазерное шоу. Конечно, самых таких жестоких бомбежек я не застал: в октябре, в тот день, когда Москва могла быть занята немцами, я эвакуировался с матерью, бабушкой... Потом в 42-м году вернулся в Москву и заканчивал послевоенную мужскую школу.

— А характерные игры вашего поколения — драки двор на двор, улица на улицу. Вы участвовали в них?

— Да нет, я дрался мало. Нельзя сказать, что я был много на улице. Конечно, криминал рядышком был, но по нынешним временам и ощущениям это — рождественские шутки.

— А как же вам удалось, минуя драки, реализовать ген мужской агрессии?

— Я — дитя своего времени. Все каким-то образом прошло через меня, но тюрьмы и приводов в милицию не было. Скорее мелкая беготня.

— А запретные игры — курить в подворотне, например?

— Курить... да, конечно, пробовал. Но как-то не очень втянулся. Вот вечером на коньках цеплялся железным крючком за автомобили — это да, но родители такие забавы категорически не приветствовали.

Актерские игры

— По образованию вы актер. Какая была ваша первая роль, но не в Москве, в Театре миниатюр, а в Перми?

— Я играл Турио в "Двух веронцах". И отчаянно подражал прекрасному артисту Вицину, которого видел на сцене Ермоловского театра, куда нас в студенческие годы нанимали в массовку. Платили даже какие-то деньги, которые меня очень радовали, и я вообще не понимал, как за это еще можно платить? Я бы сам приплачивал.

Счастливые мгновения жизни — в массовке я играл китайца, играл негра...

— На китайца вы очень похожи.

— Да, так посмотришь и думаешь — вот он, типаж.

— Скажите, вы были послушным актером или спорили с режиссером?

— С режиссерами я не спорил. Андрей Михайлович Лобанов, например, он производил ошеломляющее впечатление. Нет, серьезных сомнений, нигилизма, который помещал бы мне войти в профессию, такого не было. А в Перми, в драматическом театре, который я вспоминаю с большой теплотой, я проходил свои университеты. Однажды в гримерной, где было несколько актеров, я сказал своему товарищу, что небоскребы в Нью-Йорке — красивое дело. И джаз, и одежда — это радости зарукобного бытия. Он меня поддержал. А когда я уехал из Перми, его вызывали в местное отделение КГБ. Предупредили: "Эти разговоры насчет Нью-Йорка — красивого города — мы вам не советуем. Конечно, Захаров, тот уехал, вывернулся — Бог с ним, но вы... Смотрите..."

Он игрок, и это видно по всему. Непроницаемая маска спокойствия, за которой кипят невидимые миру страсти. Видимыми они становятся на сцене, в его спектаклях — ярких, стремительно летящих и... мудрых. И если пользоваться терминологией картежников, он, без сомнения, козырной туз. Туз бьет любую масть и всегда в выигрыше. Во всяком случае, с тех пор, как Марк Захаров возглавил "Ленком", этот театр 30 лет ходит в передовиках производства. Его не пугает даже опасное число — 13. Именно в этот день у главного игрока

русского театра
Марка Захарова
юбилей.

Марк
Захаров:
"Театр —
и донор,
и кровопийца"

— А благодаря кому вы поставили точку в биографии артиста Захарова?

— Жене. Наверное, женская интуиция (которая часто опережает мужскую) помогла. Нина сказала, что не надо мне, наверное, актерством заниматься. И позднее, когда Валентин Николаевич Плучек пригласил меня из студенческого театра МГУ в Театр сатиры работать артистом и режиссером, я понял, что не надо мне быть артистом. Хотя это было очень лестное предложение.

— Почему? Вы разве были плохим артистом?

— Нет. Не стал актером, потому что понял — не смогу командовать. Был внутренний голос, и он шепнул: "Гримирюсь вместе с артистами, будешь им потом говорить: 'Ты — направо, ты — налево иди, а ты — давай-ка здесь спляши'. Нет, так не получится."

— Какие черты характера от актерской профессии вы обнаруживаете в себе: наивность, капризность, прижимистость в финансовых вопросах или...

— Наверное, наивность и легкомыслие, которые потом оказываются удачным ходом.

— А прижимистость?

— Когда меня спрашивают, чего ты больше всего не любишь, я говорю: жадность.

— Значит, вы не актер.

— Да, значит — режиссер.

ГРОК

Режиссерские игры

— Марк Анатольевич, первый спектакль сравним с первой любовью?

— Да. Пожалуй, можно сравнить. Я вам верю, потому что вы обладаете женской интуицией и вы что-то знаете лучше — так уж природой установлено.

— Если учесть, что первый любовный опыт, как правило, кончается плохо, то ваш первый опыт...

— Вы знаете, почему я и пошел в режиссуру? Потому что первый мой спектакль "Аристократы" по Погодину, который я сделал в Перми со студентами, понравился ребятам, зрителям и понравился мне. Конечно, было бы любопытно сейчас взглянуть на это дело, и это было бы, наверное, что-то очень странное и наивное.

— А провалы, неужели их не было у вас?

— Такие явные провалы я ощущал уже в театре "Ленком", на спектакле "Люди и птицы". Некая попытка компромисса, чтобы избежать снятия: я несколько раз был на грани увольнения из "Ленкома". Тогда наш директор, фотография его висит на стене, сказал мне: "Очень серьезные собираются тучи, от тебя все время ждут какой-нибудь 'Молодой гвардии' или 'Как закалялась сталь'. Или, в крайнем случае, что-нибудь про

целину или БАМ. И тут как раз возникла возможность поехать на БАМ.

И я поехал. Так вот, "Люди и птицы" — это не впрямую про БАМ, а последствия поездки, оказавшиеся неожиданными и непредсказуемыми — и для меня, и для руководства. Идеологический, романтический запал, на который рассчитывали начальники, не произошел: не получилось ни художеств, ни наград, ни поощрений. Спектакль сошел быстро.

Зато впечатлений на БАМе было много. Так, приехавшие туда люди чудовищным образом страдали от гноса, который совершенно не трогал местных жителей. Как нам потом объяснили, у местных был другой запах, другой состав крови, гнус отлетал. Они спокойно ходили по тайге и охотились.

Ужасное я увидел в Донбассе, когда спустился в шахту имени Калинина. Километр под землей, маленькие фонарики, шахта, шов высотой 70 см, по которому можно только ползти. Ну мы проползли, человек пять нас было, а потом я увидел забой. И понял, что, наверное, такая работа недостойна человека. Он не должен находиться в такой грязи, где видны только зубы и белки глаз, на экране это имело всегда музыкально-романтическое сопровождение. На самом деле это чудовищная, страшная работа, и теперь, как мы понимаем, совершенно бесполезная. Только открытый способ добычи, как во всем мире это делается.

Звездные игры

— Должна быть дистанция между актером и режиссером?

— Да, наверное, только с какими-то исключениями. Не было у меня дистанции с Андреем Мироновым, Арменом Джигарханяном. Но они так себя вели складно, что у меня не возникало никакого дискомфорта. Были чуткость, интуиция и понимание того, что надо помогать человеку, которому симпатизируешь и в которого веришь. Некоторое время назад на худсовете нашего театра за круглым столом я сказал: "Мы здесь находимся в достаточно небольшой компании, и

вы мне всю правду скажите". Тогда мы сформулировали закон, который действует до сих пор и звучит примерно так: "Мы вам как бы скажем все, но вы поступите так, как считаете нужным. А мы вас поддержим". Мы не записывали это правило ни в какой устав, но оно действует.

— Когда наступает момент распределения ролей в новом спектакле, чем вы руководствуетесь — талантом или необходимостью занять звезд — в вашем театре их больше всего?

— Интересы актера, конечно, надо учитывать — вот Евгений Павлович Леонов должен был играть какую-то роль, и счастливым образом для него и для Инны Михайловны Чуриковой ставился "Иванов" Чехова.

— Счастливым случаем. Или вы занимаете звезд, чтобы они не разбежались?

— Нет, сейчас, я думаю, уже и не уйдут. Какой-то еще будет продолжаться отсев, естественный: например, талантливый молодой актер полюбил женщину из другого города, а она не может приехать в Москву. На него можно было сделать ставку, но он уезжает, и я понимаю, что в это вмешиваться нельзя.

— Мне кажется, вы уходите от ответа о звездах.

— Знаете, интересная вещь, и она, может быть, впрямую не относится к вашему вопросу. Замечена определенная цикличность и в жизни общества, и в жизни государства и этноса. Театр, как сообщество людей, тоже подвержен определенным циклам, и важно понять, где будет небольшой спад, а где начнется подъем.

— "Ленком", которым вы руководите 30 лет, в каком сейчас цикле?

— В восходящем. Но только постоянная восходящая линия... Ведь так не бывает. Когда мы обращаемся к опыту великих людей, то понимаем, что у них были и терзания, и кризисы, и горькие месяцы. Может, и у меня тоже такие дни были, но остаются в памяти радости и положительные эмоции.

Мое последнее негативное ощущение — мне показалось, что "Плач палача" идет куда-то не туда, летит в бездну, и может быть неуспех. А это, знаете ли, режиссерская болезнь: после успешного спектакля провала быть не должно. Тогда у меня был довольно сильный испуг, и я много передумал, и это, может быть, самые трудные этапы в моей жизни.

Игры с партнерами

— Мне кажется, это миф, что Марк Захаров — хитрый опытный дипломат. Будь так, вы бы сумели найти общий язык с советским начальством и ваши спектакли не закрывали бы.

— Мне не хочется спорить с вами. Это вы правы, но один из моих учителей Валентин Николаевич Плучек говорил мне: "Ты иди в конфликт со своими сподвижниками только тогда, когда уверен, что выиграешь. Если не уверен — не ходи". Я это всегда держал в уме.

— Вы ощущаете себя шутом перед лицом начальства новой формации?

— Извините, что я упомянул всю это имя — у Станиславского есть замечательные воспоминания более позднего времени, он писал: "Я всегда одинаково волновался, когда в театр приходил Великий князь или Климент Ефремович Ворошилов". Меня часто упрекали мои коллеги и товарищи, которых я уважаю и люблю, что я в один момент предал идеалы российской интеллигенции и у меня в театре появился президент — Борис Николаевич. Потом я так посчитал — сколько ж театров посетили наши самые высокие лица. Получается, что уж очень много предателей.

— А вам все равно?

— Нет, мне не все равно, потому что они зрители, они пришли в театр. У меня всегда есть надежда,

что это может понравиться и они не пожалеют.

— Вы умеете блефовать?

— Наверное. Это входит в набор дипломатических средств, но блеф никогда не раскрывает человека добровольно, он так и остается загадкой и тайной, что должно быть у режиссера.

Общетеатральные игры

— Вы можете поставить спектакль не на большой, как обычно, а на малой сцене? Или не умеете?

— Я не запрограммирован на маленькое пространство, и не хотелось этого никогда. Это отдельное направление. Вот когда Станиславский в маленькой комнатке на Поварской стал что-то делать со своей студией, Немирович-Данченко сказал ему: "Это большая ошибка для вас как для режиссера. Это другое искусство".

— Но сейчас все театральные премии почему-то даются именно малым сценам, подвальным спектаклям, а не крупномасштабным с размахом, как у вас. Не обидно?

— Театр в лифте может вас привести к обмороку: если сильный артист с сильной психикой войдет в имитацию эпилептического припадка, зритель может себя почувствовать плохо на небольшом пространстве. Мне бы этого не хотелось. Я же, начиная со студенческого театра, всегда ориентировался на несколько сотен зрителей.

— Театр — донор или кровопийца?

— Донор по отношению к зрителю и кровопийца по отношению к тому пространству нашей жизни, которое за стенами театра. А для меня и то и другое.

— Театр раскрепощает или усугубляет комплексы?

— Это как сложится жизнь. Если прыгнешь в нужный момент в нужный вагон поезда, который называется жизнь, в том числе жизнь в театре, раскрепощает.

— Можете назвать имя молодого режиссера, при имени которого лично вы можете сказать: "На этого парня я надеюсь"?

— Кирилл Серебренников — "Пластинин", "Сладкоголосая птица юности". Мне это очень понравилось.

Любовные игры

— В играх с женщинами вы выбираете для себя роль: охотника, жертвы, режиссера, садиста, мазохиста или...

— Наверное, роль влюбленного человека. До какого-то определенного предела, за который, в общем-то, не следует переступать. Валентин Николаевич, прожывая меня на главительство в "Ленком", напутствовал: "Общайся с единомышленниками только в режиссерском зале — и на репетициях, и на сцене. Иначе очень усложнишь себе жизнь. Еще — не бери в театр жену". Эти вещи я бы оставил без комментариев, каждый думает по-своему.

— Любовь проходит с годами?

— Да, наверное, она проходит в каком-то качестве, а потом возникает что-то другое и тоже прекрасное.

— В личных отношениях между мужчиной и женщиной если нет игры, то партнеры теряют интерес друг к другу?

— У меня есть такой термин — борьба за лидерство. Кто должен быть лидером? Иногда мужчина должен уступить и понять, что на эту территорию не надо посягать, даже если ты находишься с женщиной в самых близких и нежных отношениях.

— А вы территорию какую охраняете? Только театральную?

— Нет. Я несколько территорий охраняю — личную, театральную и некую тайну, которую мне не хочется выдавать никому.

Марина РАЙКИНА.